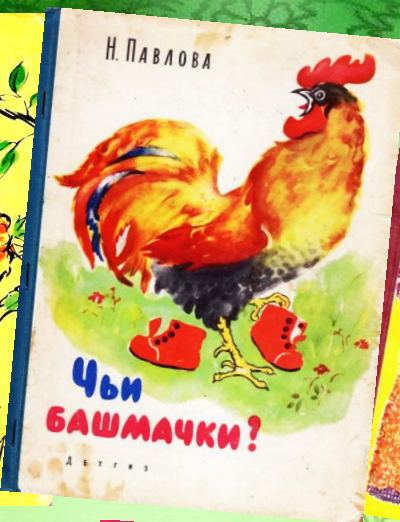

ПАВЛОВА
НИНА
МИХАЙЛОВНА

Нина Павлова

ЗИМНИЕ СКАЗКИ

«РЕЧЬ»

— Иди же, сестрица, к нам! Без тебя игра — не игра!
Хорошинка еле даст себя уговорить. А однажды сёстрам так и не удалось её уломать. Раскапризничалась, надулась, а сама думает: «Пусть, пусть игра разстроится».
А игра-то и не расстроилась. Уговаривали Хорошинку сёстры, уговаривали, но вдруг одна из них — озорница с обломанным лучом — крикнула:
— Ну и пусть! Не хочет — не надо! И без неё не соскучимся! Давайте-ка, сестрички, считаться, кому водить!

Тут все снежинки закричали:
— Считаться! Считаться!
И уперхнули.
Хорошинка осталась одна. Вот так история! А издали доносятся весёлые голоса:
— Ветер, и холод, и снег, и вода,
Ветер, и холод, и лёд.
Вышла, вышла, тебе водить!

До чего же обидно было Хорошинке! Да ещё и заплакать-то нельзя; заплачешь — растаешь.

2

Весело жили сестрёнки в своей родной туче. Но пришло время её покидать: спускаться на землю. Снежинки не испугались. Они много слышали о земле от ветра, и им захотелось увидеть её своими глазами.

— Подумайте, сестрицы, — земля нисколько не прозрачна!
— Подумайте, земля так прочно стоит на своём месте, что даже ветер не может её столкнуть! — говорили снежинки.

— На земле живут люди, — сказала Хорошинка. — Помните, ветер рассказывал нам про голубоглазую девушку и про белые лилии, которые она так любит. Нас эта девушка полюбила бы ещё больше: мы красивее всяких цветов. Особенно я.

Последняя трава скрылась под снегом. И остались зайцу на прокорм голые веточки да горькая осиновая кора. В непогоду он часто голодал. Тогда он вспоминал белку: «Стоит мне её найти, позабуду о голоде» — и ему становилось веселей.

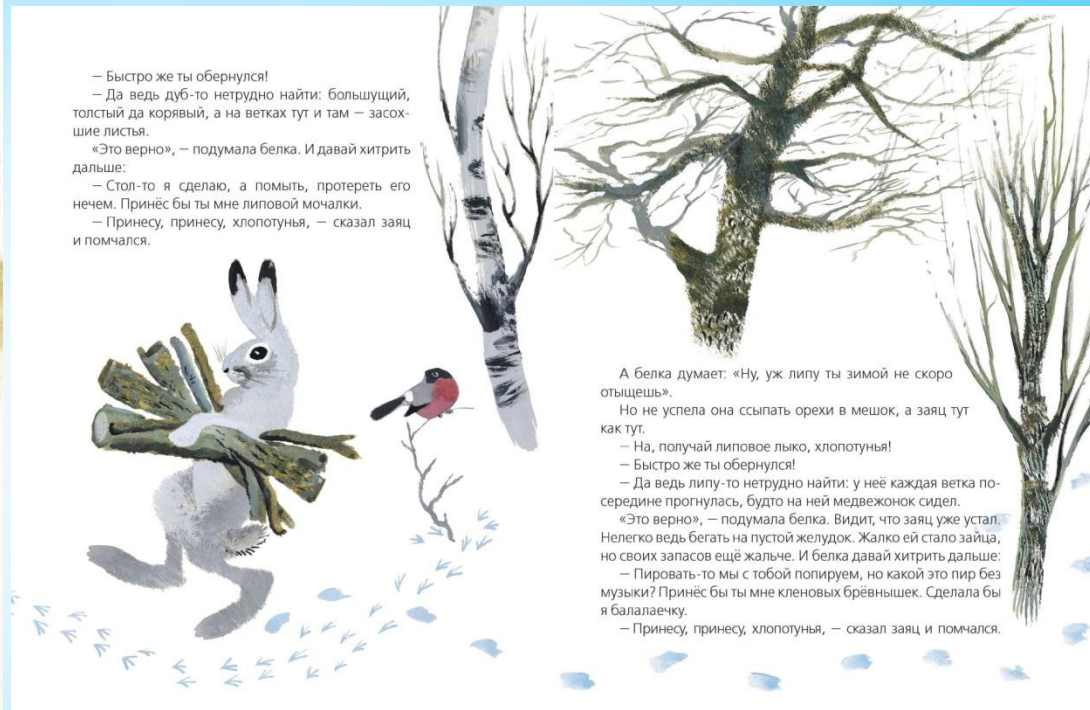
И вот, наконец, заяц натолкнулся на белку. Она сидела на сучке у своего дупла.

— Здравствуй, белочка! — крикнул заяц. — Как я тебе рад! Очень соскучился!

— И я тоже! Но тебя не узнать: ты так похудел!

— Ещё бы! Два дня не ел!

— Ну, потерпи ещё немножко, сейчас поставлю самоварчик, приготовлю угощение.

— Быстро же ты обернулся!
— Да ведь дуб-то нетрудно найти: большущий, толстый да корявый, а на ветках тут и там — засохшие листья.
«Это верно», — подумала белка. И давай хитрить дальше:
— Стол-то я сделаю, а помыть, протереть его нечем. Принёс бы ты мне липовой мочалки.
— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка думает: «Ну, уж липу ты зимой не скоро отыщешь».

Но не успела она соспать орехи в мешок, а заяц тут как тут.

— На, получиай липовое лыко, хлопотунья!

— Быстро же ты обернулся!

— Да ведь липу-то нетрудно найти: у неё каждая ветка посередине прогнулась, будто на ней медвежонок сидел.

«Это верно», — подумала белка. Видит, что заяц уже устал. Нелегко ведь бегать на пустой желудок. Жалко ей стало зайца, но своих запасов ещё жалче. И белка давай хитрить дальше:

— Пировать-то мы с тобой попируем, но какой это пир без музыки? Принёс бы ты мне кленовых брёвнышек. Сделала бы я балаалаечку.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

СЁСТРЫ ШИШКИ

1

Выросли как-то на еловой ветке три шишки. Да такие длинные, такие чешуйчатые — всем на удивление.

Первую в лесу прозвали Длиннушенькой, вторую, что была ещё длиннее, — Длиннушей, а самую длинную — Длинным Длиннушей.

Длиннушенька пряталась в тени ветвей, а её сёстры висели на самом виду у всех и хвастались:

— А нас-то все видят, а нами-то все любуются: и звери, и птицы, и даже звёзды! Ни на земле, ни на небе нет больше таких длинных шишек.

А Длиннушеньку сёстры поддразнивали:

— А мы-то длиннее, а мы-то виднее!

— Ну и пусть! — спокойно отвечала Длиннушенька. — Мне и дела нет, любуются мною кто-нибудь или нет.

Вот как! Сёстры только об этом и думают, а ей и дела нет!

— Я о другом думаю: о наших малютках, о семенах. Как бы лучше сберечь их до весны. Ведь из каждого семечка может вырасти ёлочка. Сохраню я все свои семечки, будет целый еловый лесок.

— Лесок? Дурочка, да ведь тебя тогда и на свете не будет.

— Ну так что же? А лесок будет. Я хочу, чтобы он вырос вон там, где всегда светло. Ветер называет это место полянкой.

2

Наступила зима, и пухлый снег прикрыл еловые ветки. Однажды ветер стряхнул комок снега прямо на Длиннушеньку.

— Что же ты, дружок, наделал! — упрекнула она его. — Всю меня залепил снегом!

— погоди, ещё будешь мне благодарна, — ответил ветер и улетел.

— Мне теперь, сестрёнки, даже вас не видно, — пожаловалась Длиннушенька.

